Джозеф Шеридан Ле Фаню

ДЯДЯ САЙЛАС

ИСТОРИЯ УСАДЬБЫ БАРТРАМ-ХО

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Л33

Серия «Викторианский бестселлер»

Перевод с английского *Н. Холмогоровой*

Серийное оформление и дизайн обложки *Е. Лазаревой*

Ле Фаню, Джозеф Шеридан.

Л33 Дядя Сайлас. История усадьбы Бартрам-Хо / Джозеф Шеридан Ле Фаню ; [перевод с английского Н. Холмогоровой]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 576 с. — (Викторианский бестселлер).

ISBN 978-5-17-184249-9

Юная Мод Рутен росла в роскоши и безопасности, пока внезапная смерть отца не разрушила ее привычный мир. Девушка становится обладательницей огромного состояния, но до совершеннолетия обязана жить в глухом и мрачном поместье Бартрам-Хо под опекой своего загадочного дяди Сайласа, о котором в светском обществе ходят зловещие слухи. Постепенно девушка понимает, что оказалась в искусно расставленной ловушке, ведь ее жизнь — единственное препятствие на пути Сайласа к ее состоянию.

Сможет ли девушка выпутаться из паутины интриг прежде, чем станет очередной жертвой проклятого дома?

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Школа перевода В. Баканова, 2026
© Перевод. Н. Холмогорова, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

ISBN 978-5-17-184249-9

*Достопочтенной графине Гиффорд**
в знак уважения, симпатии и восхищения
автор посвящает эту историю

* Хелена Селина Гиффорд, урожденная Шеридан (1807–1867) — кузина Ле Фаню, с которой он поддерживал дружеские отношения. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Вступительное слово

Прежде чем приступить к рассказу, автор осмеливается обратиться к читателям с несколькими словами, желая прежде всего объясниться. Основной мотив в этой «Повести об усадьбе Бартрам-Хо» повторяет, с небольшими изменениями, сюжет рассказа в пятнадцать страниц, много лет назад опубликованного под заглавием «Отрывок из тайных записок одной ирландской графини» — сперва в некоем журнале, а вскоре под другим названием, но также анонимно, в небольшом сборнике*. Едва ли кто-нибудь из читателей с ним встречался, и еще менее вероятно, что запомнил эту безделицу. Однако такая возможность существует; ради нее автор и спешит предварить свою книгу этим кратким объяснением, дабы его не обвинили в плагиате, всегда знаменующем неуважение к читателю.

Позволено ли будет автору произнести еще несколько слов протеста против того, с какой неразборчивостью термин «сенсационный роман» применяется ныне к обширной школе литераторов, не нарушающих тех канонов эстетики и морали, что наложил на себя великий автор непревзойденных «романов Уэверли»**? Думаю, никто не

---

* «Отрывок из тайных записок одной ирландской графини» был впервые опубликован в 1838 году в «Дублин Юниверсити Мэгэзин», затем под заглавием «Убитый кузен» вошел в собрание рассказов Ле Фаню «Рассказы о привидениях и загадочные истории» (1851). Вероятно, в этом рассказе Ле Фаню впервые в европейской литературе использовал детективный прием «убийство в запертой комнате».

** «Сенсационным романом» европейская критика середины XIX века называла остросюжетный роман, жанровый предшественник современных детектива и триллера.

решится назвать творения сэра Вальтера Скотта «сенсационными»; однако в этой чудной серии не найдется ни одной истории, где не встречались бы смерть, преступление и какая-либо загадка.

Пройдя мимо великих «Айвенго», «Пуритан» и «Кенилворта», в коих преступления и кровопролития, с таким мастерством вплетенные в ткань повествования, неизменно внушают ужас и трепет, пусть читатель обратится к тем двум романам-исключениям в этой серии, что стремятся живописать современные нравы и сцены обыденной жизни. Пусть вспомнит в «Антикваре» видение в комнате с гобеленами, дуэль, ужасную тайну, смерть старой Элспет, утонувшего рыбака и, прежде всего, потрясающую сцену, в которой герои застигнуты приливом на утесе, а в «Сент-Ронанских водах» — давний секрет, подозрение в безумии и трагическую смерть. Пусть вспомнит — и решит, справедливо ли применять эпитет, в отношении даже к самым волнующим романам сэра Вальтера Скотта звучащий оскорбительно, к книгам, которые, будучи неизмеримо ниже по мастерству, однако следуют тем же ограничениям в построении сюжета и преследуют те же нравственные цели.

Автор верит, что пресса, компетентной критике и великодушной поддержке коей столь обязан и он сам, и другие скромные труженики искусства, сумеет настоять, чтобы этот унизительный термин применялся лишь к тому особому сорту литературы, ради которого первоначально и был создан, и по возможности предотвратит его применение к тому вполне респектабельному направлению английского трагического романа, что был облагорожен, а в значительной мере и создан гением сэра Вальтера Скотта.

Декабрь 1864 года

Глава 1
Остин Рутен из Ноула и его дочь

Стояла зима, точнее, середина ноября. Порывистый ветер дребезжал ставнями, ревел и завывал меж высоких деревьев и оплетенных плющом каминных труб. Какая темная ночь! Но посреди этой тьмы, в мрачной старой комнате, в старинном камине весело пылал огонь, питаемый смесью крупных округлых углей и сухой щепы. Отблески пламени плясали на стенных панелях из черного дерева, вздымаясь до потолка. На чайном столике дружелюбно сияли восковые свечи, со стен смотрело множество старинных портретов, одни были бледные и угрюмые, другие — приветливые, а некоторые — изящные и очаровательные. Кроме портретов, было еще несколько картин, больших и маленьких. В целом, думаю, эту комнату вы сочли бы гостиной, хотя на современные гостиные эта длинная, просторная, неправильной формы зала совсем не походила.

Девушка чуть старше семнадцати лет, а на вид, пожалуй, и моложе, довольно высокая и стройная, с густыми золотистыми волосами, темно-серыми глазами, с лицом, на котором читались чувствительность и меланхолия, в задумчивости сидела за чайным столиком. Этой девушкой была я.

Второй человек в комнате — единственный мой родственник в этом доме — мой отец. Мистер Рутен из Ноула — так называли его в нашем графстве, хотя он владел землями и во многих других местах, — происходил из очень древнего рода. Предки его не раз отказывались от

звания баронета и даже, как рассказывают, от графского титула; гордые, неукротимые духом, они считали себя по положению и по чистоте крови выше двух третей той знати, в ряды которой их приглашали вступить. Впрочем, об этих семейных преданиях я имела самые скудные и смутные представления — лишь то, что можно было почерпнуть из разговоров старых слуг, заболтавшихся в детской у камелька.

Не сомневаюсь, отец любил меня — и я, разумеется, тоже его любила. Безошибочным детским чутьем я угадывала его нежность, никогда не выражавшуюся привычными способами. Но отец вообще был странным человеком. Он рано разочаровался в Парламенте, где поначалу стремился преуспеть. Однако вышло так, что он, умный человек, потерпел поражение там, где самые ничтожные личности добиваются успеха. Потом отец отправился за границу, сделался знатоком и собирателем редкостей. По возвращении принял участие в некоторых литературных и научных предприятиях, а также в создании благотворительных учреждений и управлении ими. Но скоро устал от этой пародии на власть и предался сельской жизни — жизни не охотника, а скорее ученого; переезжал из одного своего поместья в другое и везде предпочитал уединение.

Женился он довольно поздно. Его прекрасная молодая жена скончалась, оставив на попечение единственного ребенка — меня. Это горе, как мне рассказывали, переменило характер отца: он сделался еще страннее и молчаливее прежнего, стал суровее ко всем, кроме меня. Немало огорчений доставляла ему судьба его младшего брата, моего дяди Сайласа.

Сейчас отец прохаживался взад-вперед по просторной старинной зале, дальний конец которой уходил за выступ стены и погружался во тьму. Эта его привычка напоминала мне отца Шатобриана в величественных палатах

замка Комбур*. Дойдя до дальнего конца, он исчезал во мраке, несколько минут спустя появлялся, выступая, словно портрет из теней, — и снова в молчании скрывался из виду.

Такие монотонность и молчаливость могли бы напугать человека, менее к этому привычного, чем я. Однако и на меня они оказывали свое действие. Порой отец не заговаривал со мной ни разу за день; и я, любя его всем сердцем, испытывала перед ним благоговейный трепет, по силе не уступающий любви.

Пока отец мерил шагами помещение, мои мысли были заняты событиями месячной давности. Так редко случалось в Ноуле что-либо, выходящее за пределы обыденности, что и самые пустячные события в этом безмятежном доме заставляли людей удивляться и пускаться в догадки. Отец жил настоящим отшельником, почти не покидал (если не считать верховых прогулок) пределов усадьбы Ноул, а гости посещали нас раз, много, если два раза в году.

Нашего покоя не нарушали даже слухи и толки вокруг необычной веры богатого и сурового отшельника. Давным-давно отец покинул Англиканскую церковь ради какой-то странной секты, название которой я забыла, а в конце концов, как мне рассказывали, стал сведенборгианцем**. Однако меня он этим не утруждал. Каждое воскресенье старый экипаж отвозил меня, гувернантку (когда она у меня была) и нашу старую домоправительницу миссис Раск в на-

---

* Героиня ссылается на автобиографические «Замогильные записки» Франсуа-Рене де Шатобриана (1768–1848) — французского поэта, одного из крупнейших представителей раннего романтизма.

** Согласно этому учению, основателем которого считается Эммануил Сведенборг (1688–1772) — шведский ученый-естествоиспытатель, мистик и визионер, Вселенная имеет духовную природу: материя иллюзорна, жизнь людей на земле — лишь эпизод в бесконечном существовании бессмертных духов. В романе «Дядя Сайлас» не только встречаются частые отсылки к Сведенборгу, но и чувствуется влияние его идей.

шу приходскую церковь. Сам же отец, к неудовольствию нашего честного настоятеля — тот, качая головой, припоминал библейские строки о «безводных облаках, носимых ветром, и звездах блуждающих, которым блюдется мрак тьмы»*, — состоял в переписке со «служителем» собственной церкви и выражал возмутительное довольство своей просвещенностью и плодами веры. Миссис Раск, рьяно преданная господствующей церкви, уверяла: он, мол, как и все эти «блудящие овцы», воображает, что видит видения и беседует с ангелами. Не знаю, были ли у нее основания, помимо аналогий и догадок, обвинять моего отца в подобных опасных иллюзиях. Так или иначе, во всех вопросах, не затрагивающих ее правоверия, она любила своего хозяина и была верной домоправительницей.

Однажды утром я застала ее за подготовкой к приему гостя в «охотничьей комнате», получившей название из-за гобеленов на стенах, изображавших в духе Воувермана** сцены соколиной и псовой охоты: ловчих птиц, гончих, дам, рыцарей и пажей. Посреди всего этого миссис Раск в черном шелковом платье перебирала белье в ящиках шкафов, подсчитывала его и отдавала распоряжения.

— Миссис Раск, к нам кто-то приезжает?

Оказалось, ей известно только имя. Некий мистер Брайерли. Папа ожидал его к ужину. Гость должен был остаться на несколько дней.

— Должно быть, моя милая, это один из тех *херитиков:* я упомянула его имя при докторе Клэе, нашем настоятеле, а он говорит: «Как же, в секте у Сведенборга есть какой-то доктор Брайерли, великий заклинатель духов!» Вот, должно быть, это он и есть.

Мои представления об этих сектантах были очень туманны, смешаны с подозрениями в некромантии и франк-

---

* Послание Иуды, 12–13; в тексте Послания речь идет о неверующих.

** Филипп Воуверман (1619–1668) — голландский художник, мастер пейзажей и жанровых сцен охоты.

масонстве (хотя я и плохо понимала, что это); так что появления гостя я ждала с трепетом и неприязнью.

Мистер Брайерли прибыл заблаговременно, чтобы успеть переодеться к ужину. Вошел в гостиную — высокий, худой, нескладный, одетый во все черное и с белым, туго завязанным шейным платком, в черном парике — или же с волосами, зачесанными на манер парика, в очках, с быстрым и пронзительным взглядом темных глаз. Вошел, потирая огромные ладони, коротко мне кивнул (как видно, он принял меня за ребенка), сел перед огнем, закинув ногу на ногу, и развернул журнал.

Каково унижение! Помню, какой меня охватил гнев, о котором он, разумеется, не подозревал.

Гостил он недолго; цели его визита мы так и не поняли, и ни на кого из нас не произвел приятного впечатления. Похоже, в Ноуле он скучал, как часто случается с городскими и занятыми людьми в сельских усадьбах, — так что ходил на прогулки, ездил верхом, читал в библиотеке и написал с полдюжины писем.

Его спальня и гардеробная располагались напротив спальни отца, в которой имелось нечто вроде передней — там отец держал богословские сочинения.

На следующий день после приезда мистера Брайерли я собралась проверить, стоят ли на столе в этой передней, как у нас было заведено, графин с водой и стакан. Не зная, у себя ли отец, я постучалась. Должно быть, в этот момент оба были заняты и не услышали стука. Ответа не было, и я вошла.

Отец, без сюртука и жилета, сидел в кресле. Мистер Брайерли присел перед ним на скамейку для ног, его грубый черный парик почти касался седых отцовских волос. Рядом на столе лежала раскрытая книга, должно быть, богословского содержания. В следующий миг мистер Брайерли поднялся и быстро спрятал что-то в нагрудный карман. Отец тоже встал, никогда прежде я не

видела его таким бледным. Он указал мне на дверь и приказал угрюмо:

— Выйди.

Мистер Брайерли положил руки мне на плечи и легонько подтолкнул к дверям. Он постарался мне улыбнуться, но лицо его было мрачно — тогда я совершенно не поняла этого выражения.

Секунду спустя я опомнилась и молча вышла. Последнее, что видела, — высокую угловатую фигуру в черном и эту обращенную ко мне многозначительную, нерадостную улыбку. В следующий миг дверь за мной закрылась, звякнул засов, и двое сведенборгианцев остались наедине со своими тайнами.

Хорошо помню потрясение и отвращение, которое я испытала, уверенная, что застала их за каким-то гнусным колдовством. Мистер Брайерли в плохо сидящем черном костюме и тугом шейном платке был мне очень подозрителен. При мысли, что он имеет какую-то власть над отцом, меня охватывала сильная тревога, переходившая в страх.

Какие только опасности не чудились мне в загадочной улыбке угловатого жреца! Перед глазами стоял образ отца, бледного и угрюмого (что он делал? быть может, исповедовался этому человеку в черном? но кто же он такой?), — и мучил мой неопытный рассудок, совсем не умеющий ориентироваться в мире тайн и чудес. Я никому об этом не рассказывала — однако, когда на следующее утро зловещий гость нас покинул, ощутила безмерное облегчение.

Этими воспоминаниями и был сейчас занят мой ум.

Кто-то заметил однажды, что доктор Джонсон* напоминает привидение — так же не заговаривает, пока к нему не обратятся. Мой отец, быть может, походил на призрака во многих иных отношениях, но не в этом: ведь никто во

* Сэмюэл Джонсон (1709–1784) — английский поэт, критик и лексикограф, составитель словаря английского языка. Был известен своей нелюдимостью, о которой сохранилось много анекдотов.

всем доме не осмеливался обратиться к нему первым, и даже я решалась на это очень редко. О том, что в этом есть нечто необычное, я и не подозревала, пока не начала выезжать изредка в гости к родным и знакомым, в домах у которых подобного правила не было.

Я размышляла, откинувшись в кресле, а призрак отца размеренно и торжественно появлялся перед глазами, разворачивался и снова исчезал. Выглядел отец приметно: мощная, крепко сбитая фигура, суровое лицо с крупными чертами, свободный сюртук из черного бархата и такой же жилет. Он был уже в годах — ему минуло семьдесят, однако крепок, без признаков слабости или дряхлости.

Помню, как в какой-то миг, не подозревая, что он рядом, я подняла глаза — и едва не вздрогнула, увидев прямо перед собой это крупное, изборожденное морщинами лицо и устремленный на меня взгляд.

Секунду или две он смотрел мне в лицо, затем, взяв узловатой рукой тяжелый подсвечник, знаком приказал следовать за ним. С удивлением, но не говоря ни слова, я повиновалась. Отец провел меня через холл, где горели светильники, оттуда на площадку черной лестницы, и ввел в свою библиотеку. Это была длинная, вытянутая комната с двумя высокими узкими окнами в дальнем конце; сейчас они прятались за темными шторами. Стоял полумрак — горела лишь отцовская свеча. Он помедлил у двери, с левой стороны от которой в те годы стоял массивный старинный шкаф резного дуба, и остановился перед ним.

Стоя со странным, отсутствующим видом, отец заговорил — кажется, обращаясь скорее к самому себе.

— Она не поймет, — прошептал он, испытующе вглядываясь мне в лицо. — Нет, ни за что... Или все же поймет?

Затем, в наступившей тишине, вытащил из нагрудного кармана кольцо с полудюжиной ключей, нашел среди них один и долго смотрел на него, нахмурившись, держа двумя пальцами и слегка покачивая перед глазами.

Разумеется, я слишком хорошо знала отца, чтобы вставить хоть слово.

— Нет, не стоит — они слишком легко пугаются... да, верно... поступлю иначе.

Он опять замолчал и поднял глаза на меня с таким видом, точно смотрел на картину.

— Действительно, лучше так... если так сделать — да, она не догадается... она ничего не заподозрит.

Решительно взглянув на ключ, а затем на меня, он вдруг поднял его и проговорил резко и отрывисто:

— Смотри, дитя! — И секунду или две спустя: — Запомни этот ключ!

Ключ был странной формы, непохожий на прочие.

— Да, сэр. — Я всегда называла отца «сэром».

— Он открывает вот это. — Отец постучал по двери шкафа. — Днем он всегда здесь. — С этими словами он вновь опустил связку ключей в карман. — Видишь? А в ночное время у меня под подушкой. Поняла?

— Да, сэр.

— Так не забудь! Вот этот шкаф, дубовый, рядом с дверью, с левой стороны. Не забудешь?

— Нет, сэр.

— Как жаль, что она девушка, да еще и так молода! Да, девушка, и совсем молода... легкомыслие... ветер в голове... Значит, запомнишь?

— Запомню, сэр.

— Смотри же, не забудь!

Отец повернулся и окинул меня взглядом с ног до головы, как человек, принявший внезапное решение; кажется, в этот миг он готов был сообщить мне гораздо больше. Но, если и так, в следующее мгновение снова передумал — и, помолчав, произнес размеренно и сурово:

— Ты никому не расскажешь о том, что сейчас услышала, если не хочешь вызвать мое недовольство.

— О нет, сэр!

— Славное дитя!.. Но с одним исключением, — продолжал он. — В случае, если меня не будет, а доктор Брайерли — помнишь того худого джентльмена в очках и черном парике, что гостил у нас три дня в прошлом месяце? — приедет и спросит ключ. В мое отсутствие. Понимаешь меня?

— Да, сэр.

Он поцеловал меня в лоб и сказал:

— Пойдем обратно.

Так мы и поступили, по-прежнему в молчании. Только вой ветра за стенами, словно погребальная песнь огромного органа, вторил нашим шагам.

Глава 2
Дядя Сайлас

Когда мы вернулись в гостиную, я снова села в кресло, а отец возобновил свое медленное, мерное расхаживание туда-сюда по просторной комнате. Быть может, завывание ветра нарушило обычный ход его мыслей; во всяком случае, какова бы ни была причина, в тот вечер он был на удивление разговорчив.

Прошло почти полчаса, и он снова приблизился, опустился в кресло с высокой спинкой у камина, почти напротив меня. Прежде чем заговорить, некоторое время пристально смотрел на меня и наконец сказал:

— Так дело не пойдет. Тебе нужна гувернантка.

В подобных случаях я просто откладывала книгу, или работу, или то, что было у меня в руках, и готовилась слушать, не произнося ни слова.

— Французский у тебя очень неплох, как и итальянский, но немецкого ты совсем не знаешь. Музицируешь, должно быть, хорошо — здесь я не судья, но рисовать могла бы и получше. Да-да! Что ж, сейчас есть образованные